

Глава 11.1 - Прошлого больше нет (1)

После того, как суббота подошла к концу, должно было наступить воскресенье.

Или, другими словами говоря, у них было два дня, когда они могли быть вместе.

Они прибыли в дом Гу Пиншена. Безмолвно, она подсчитывала каждую секунду, но независимо от того, как это получилось, все еще казалось, что времени было недостаточно. Если бы ему нужно было вернуться на операцию, он, скорее всего, остался бы в Пекине на длительный период времени, чтобы восстановиться.

Однако ей нужно было остаться в Шанхае и она даже не имела возможности позаботиться о нем.

Ее мысли бегали в ее сознании, и, не задумываясь, она схватила персидский перец, звездный анис, сушеную апельсиновую кожуру и высушенные чили-перцы, которые она уже предварительно смешала, и бросила их в сковородку. Однако она забыла, что масло внутри уже давно нагревается. Яростно, оно начало плескаться из кастрюли. Она поспешно отступила на два шага и ударилась в него.

Гу Пиншен быстро приподнял крышку над столом и включил вентилятор вытяжного шкафа.

"Почему твои мысли блуждают все это время?" Против потрескивающих и испепеляющих звуков жарки, он спросил ее вполголоса: "После возвращения из супермаркета ты задумчивая. Ты что-то хочешь мне сказать?"

Его голос был довольно мягким, но в нем можно было найти намеки на редкое чувство неопределенности.

Тон Янь выключила плиту, обернулась и посмотрела на него.

"Я хочу вернуться в Пекин, чтобы позаботиться о тебе".

"У тебя занятия, которые нужно посещать".

Он был немного удивлен, но быстро, он улыбнулся:

"Тон Янь, эта операция не опасна, и это только период восстановления, который относительно длинный. Я буду звонить

тебе все время. Два раза в день? Или три раза? Как насчет четырех?"

Тон Янь опустила губу. Наблюдая, как его улыбка усилилась, ее печаль только усилилась. Остеонекроз головы бедренной кости, продвинутая стадия.

В таком обычном тоне он это сказал. Впервые она обнаружила, что манера наложения силы в действительности была просто способом оттолкнуть всех остальных от себя - далеко ...

"Я могу временно приостановить учебу в этом семестре и подождать до следующего года, чтобы продолжить свой третий курс университета". Она приблизилась к нему.

"Если я это сделаю, это никак не повлияет на мои оценки, и все, что произойдет, это то, что я закончу год спустя. Как ты думаешь?"

Он не ответил.

Тон Янь обняла его за шею, и она быстро опустила нижнюю губу между зубами и начала осторожно целовать контуры губ, нежно и в то же время, настойчиво.

Через некоторое время она наконец отпустила его и повернулась лицом к нему, чтобы он мог видеть ее губы, и снова спросила: "Хорошо?"

"Нет". Его голос стал серьезным.

"Если бы у меня был рак поздней стадии, я бы без каких-либо колебаний увез бы тебя прямо в Пекин с собой и все время был бы рядом с тобой. Но эта болезнь не такая уж серьезная".

Их два тела плотно сжались. Она не знала, было ли это из-за того, что у них были разногласия, но температура их тел постепенно немного повысилась. А также несколько неудержимо поднялись, как их сердечные удары, так и эмоции, которые необъяснимо начали выходить из их сердец.

Тон Янь нахмурилась, тихо предупреждая: "Не проклиная себя".

"Не будь такой суеверной". Гу Пиншен обнял ее. "Я изучал медицину. Никогда для меня это не было табу."

Ее брови еще сильнее нахмурились, и она больше не говорила.

Она просто использовала следующие десять минут, чтобы сделать одну вещь: она полностью посвятила все свое сердце и ум, чтобы поцеловать его. В этой кухне, наполненной ароматом специй, она наклонила голову назад, окружила шею руками и поцеловала его .

"Стоп. Не продолжай."

Его голос был слегка неровным. Когда он поцеловал ее, он, казалось, сказал это самому себе, также как и ей. Но это был только один раз, а потом он больше не пытался уговорить.

Глаза Тон Янь были закрыты, когда он поднял ее прямо и обнял ее на груди. Инстинктивно ее ноги обернулись вокруг его талии. Таким образом, они оба запутались, держа и целуя друг друга непрерывно, иногда нежно, иногда сильно, но не желая больше расставаться.

Все это время, хотя она осталась на своем месте, она никогда не входила в его спальню.

Когда Гу Пиншен использовал свое колено, чтобы подтолкнуть дверь, она смогла уйти от него на мгновение и с любопытством повернула голову, чтобы осмотреть эту комнату глазами.

"Твоя комната настолько простая". После того, как она это сказала, она поняла, что в комнате темно, и он не мог понять, что она говорит.

"Ты хочешь включить свет?" Он осторожно погладил ее щеку своей.

Тон Янь колебалась, потом кивнула.

Опустив ее на кровать, он включил свет на стене. Здесь, в этой комнате, которая мгновенно засветилась, она увидела, что рубашка Гу Пиншена была уже наполовину открытой. И после этого она начала чувствовать себя застенчиво и быстро покачала головой, сказав: "Хотя, давай выключим свет".

Казалось, он немного рассмеялся, но не сказал ничего. При повторном нажатии переключателя он отключил источник света.

В эту зимнюю ночь даже лунный свет за окном был темным, но из-за его неутомимых, дотошных и глубоких поцелуев он, казалось, преобразился, стал нежным и бархатистым. От свечения света в комнате до всего, что стимулировало ее чувство прикосновения, все было теплым и мягким.

В этом свете она увидела его татуировку, большой, извилистый дизайн, который был от его локтя до руки, но это было не страшно.

Он прижал к себе ее тело, кончик его носа прикоснулся к ней. На фоне боли, которая постепенно уходила все дальше и дальше, она сосредоточилась на том, чтобы смотреть на него. Поскольку огни были выключены, у них не могло быть словесного общения между собой, но в ее взгляде, который был иногда туманным, а иногда ясным, она чувствовала, что ни разу его глаза не покидали ее.

Впоследствии Тон Янь, обессиленная от усталости, заснула в объятиях, и когда она проснулась, уже была середина ночи.

Гу Пиншен, обнимая ее руками, был наполовину сидящим, когда он прислонился к голове кровати, и он казался таким, словно и не спал за все это время.

Тон Янь слегка сдвинулась. Очень быстро он включил свет. "Ты проснулась?"

С этой точки он очень был похож на того ночью в прошлом, где он сидел на полу в коридоре, его волосы почти полностью скрывали его глаза, и все его существо излучало плотную атмосферу боли, которую трудно было разогнать. Теперь, однако, его волосы были немного короче, и улыбка, которая поднялась в его глазах, была видна.

"Ты каешься перед Богом?" Спросила Тон Янь полушутя, глядя на него.

"Я не религиозен". Обняв ее, он поцеловал ее в лоб.

"Кажется, я говорил тебе это в с самом начале, когда мы ходили на Мессу в канун Рождества".

Кивнув, она так немного отстранилась от него, чтобы он мог видеть, как она говорит.

"После следующего семестра ты, возможно, не будешь преподавать больше, верно?"

Кивнув, он ответил: "Да, это будет зависеть от того, как будет проходить восстановление".

"Значит, с момента окончания последнего семестра ты уже не был моим учителем". Она была очень довольна его ответом.

Гу Пиншен наконец понял, что она ссылалась на его предыдущее заявление: "По крайней

мере, нам еще нужно подождать, пока ты не будешь моей ученицей ..." Он не мог не рассмеяться.

"Я об этом не думал".

Когда он закончил говорить об этом, он не стал объяснять, и Тон Янь больше не спрашивала. Вместо этого ее глаза сверкнули, и она сказала: "Я голодна".

Казалось бы, в самом начале она должна была приготовить ужин. Они купили так много ингредиентов, но они все еще были на кухне, а "горшок с сырым рисом" оказался «переваренным» в спальне [метафора о сексуальной близости].

Гу Пиншен быстро спрыгнул с кровати, и прямо там, полностью в обнаженном виде перед ее глазами, он скользнул в джинсы и рубашку.

"Я пойду, куплю тебе еду и вернусь".

Прежде чем Тон Янь могла что-то сказать, он уже вышел из комнаты.

Только после того, как она услышала закрытие передней двери, она отступила назад под одеяло. Ее разум постоянно воспроизводил сцены с самого начала, пока, в конце концов, даже кровь во всем ее теле, казалось, не стореда. Вытащив одеяло, она глубоко вздохнула.

Гу Пиншен вскоре вернулся. В три или четыре часа утра в ближайшем супермаркете можно было купить продукты.

К сожалению, единственные продукты, которые были горячими, и облегчали голод, были различные продукты одэна.

"Вкусно?"

Она кивнула, уставившись с очень довольным взглядом на свою чашку.

В чашке Гу Пиншена было всего два или три шампура, а у нее было пять штук. На тумбочке была еще одна чашка, заполненная еще пятью шашлыками, и все они были для нее.

"Почему ты не ешь?" Она посмотрела на него.

"Я наблюдаю, как ты ешь". С большим интересом Гу Пиншен посмотрел на ту, которую держал в руке. "По внешнему виду, твои, кажутся, вкуснее".

"Я на самом деле думаю, что твои лучше на вкус".

"На что ты смотришь?"

Тон Янь указала на его пасту ширатаки. "Почему все, что ты ешь, вегетарианское, а все, что ты купил для меня, мясное?"

"Ты слишком стройная", - небрежно ответил Гу Пиншен. "Много еды не повредит".

Глядя на его выражение, она очень быстро поняла смысл своих слов, и она чуть не прикусила свой язык.

У него, с другой стороны, был очень невинный взгляд на лице, когда он взял свои узелки

ширатаки и прижал их к губам. Тон Янь откусила связку, а затем поднесла его вертел "арктических крыльев" ко рту, наклонив голову в сторону, Гу Пиншен откусил их.

Таким образом, они просто беседовали о том, какие из них были лучше, до тех пор, пока они полностью не уничтожили все продукты.

"Наелась?" - спросил он, протягивая ей коробку салфеток.

Вытянув одну, Тон Янь вытерла рот.

"Раньше я не очень хорошо видела твою татуировку". Не в силах сдержать свое любопытство, она сдалась и предварительно спросила его.

"Это эмблема кенийского племени". Он расстегнул пуговицу рубашки, чтобы показать ей верхнюю часть тела.

"В тот год, когда я заболел, несколько моих университетских друзей отправились в Кению в качестве добровольцев. В то время мое настроение было немного нехорошим, поэтому я решил пойти с ними".

Проведя своими пальцами по линии эмблемы, он объяснил ей: "Эта часть была сделана местным художником-татуировщиком там, а затем позже я нашел это довольно интересным, поэтому под его руководством я сам закончил вторую половину. А также я сделал это имя на английском."

Полная татуировка окончательно четко показалась перед ее глазами.

Она погладила ее пальцы, и через какое-то время она наконец подняла глаза, чтобы посмотреть на него.

"Если бы у тебя не было таких "солнечных весенних дней и белого снега", ты действительно был бы похож на плохих мальчиков в гонконгских молодых и опасных фильмах, которые я смотрела когда была ребенком."

"Солнечные весенние дни и белый снег"? Он не понимал.

Тон Янь не могла не ухмыльнуться.

"Это означает, что ты прекрасен в чистом виде".

Гу Пиншен ответил "о" в ответ. Увидев все более дразнящее выражение на ее лице, он неожиданно протянул руку, потянул ее перед собой и поцеловал, и снова начал снимать одежду, которую она недавно надела. Тепло в их телах казалось, что его нельзя рассеять, и очень быстро оно начало просачиваться с их кожи. Просто его поцелуи уже заставили ее задуматься, и начальный страх боли не остался без следа.

Вечность спустя он наконец — то отпустил ее губы и посмотрел на нее-только посмотрел на нее.

Глаза ее туманны, она снова посмотрела на него. В одно мгновение в ее сознании все слишком много изображений. Эта холодная ночь много лет назад. Великолепный, наполненный солнцем класс. Бессловесный взгляд между ними внутри такси ...

Их первая встреча друг с другом была поздней осенью на севере. До этого было слишком много

ситуаций беспомощности, которые были вне их контроля, и после этого было слишком много случаев, когда судьба была несправедливой. Но все же они оба благополучно прошли путь жизни до этого момента.

Его глаза были решительными, но нежными.

Наконец она вышла из своих воспоминаний и потянулась к нему. Держа лицо за руки, она глубоко поцеловала его.

С этого момента прошлого уже нет. Все, что я вижу, это будущее, которое ты мне дашь.

Я считаю, что мы заслуживаем счастья.

<http://tl.rulate.ru/book/12100/255253>